

Каптерев Н.Ф., 1909 г.

Глава III. Борьба кружка ревнителей благочестия с патриархом Иосифом по вопросу о единогласии

Первоначальная общая деятельность кружка ревнителей благочестия. Неудовольствие на эту деятельность со стороны высших духовных властей, особенно патриарха. Столкновение между ревнителями и патриархом Иосифом из-за единогласия в церковном пении и чтении. Возникновение и развитие у нас многогласия. Неудачная борьба с этим злоупотреблением, начиная с Стоглавного собора. Стефан Вонифатьевич и Ртищев вводят единогласие сначала в своих церквах, а потом к ним присоединяются царь, Неронов, Никон и другие ревнители. Собор 11 февраля 1649 года, под председательством патриарха Иосифа, решает вопрос в пользу старого многогласия. Царь не признает этого соборного постановления и заставляет патриарха Иосифа передать решение вопроса на усмотрение константинопольского патриарха, который безусловно высказывается за единогласие. В 1651 году патриарх Иосиф принужден был созвать новый собор для вторичного рассмотрения вопроса о единогласии и порешить его, вопреки своему прежнему постановлению, так, как желали его противники-сторонники единогласия. Патриарх Иосиф теряет всякое значение в церковных делах вплоть до самой своей смерти.

Первоначальная общая деятельность всех членов кружка ревнителей благочестия определялась наличием тех пороков и недостатков, какие в то время существовали в жизни народа, самого духовенства, как белого, так и черного, наличием тогдашних церковных беспорядков, отсутствием живой проповеди и вообще учительности в духовенстве. На борьбу с общественными пороками и недостатками, на борьбу с леностью и распущенностью духовенства и выступил прежде всего кружок ревнителей, поставив своей задачей водворить в народе истинное христианское благочестие, уничтожить разные церковные беспорядки, вызвать к жизни церковную проповедь.

Прежде всего кружок ревнителей энергично восстал против разных народных языческих игрищ и суеверий, народных иногда кощунственных забав и увеселений, настаивая пред высшей церковной и светской властью, что бы она пришла к ним на помощь в этом деле своими правительственными мерами: запрещениями и указами. И с этой стороны кружок достигал своей цели: благодаря воздействию Стефана Вонифатьевича на царя издан был целый ряд указов и распоряжений в видах уничтожения в народе грубых и безнравственных языческих игрищ, забав и суеверий, на которые указывали правительству ревнители. Затем кружок выступил с энергичными обличениями беспорядочной, заторной жизни как белого, так и черного духовенства и настаивал пред

властями, что бы он предпринял меры к устранению этих недостатков, также и разных церковных нестроений, проявляющихся в самом отправлении духовенством церковных служб. В то же время кружок ревнителей усиливался восстановить совсем было замолкшую на Руси церковную проповедь, настаивая, что бы при церковных службах народу читались положенные уставом поучение и житие, причем сами члены кружка старались неукоснительно выполнять все те требования, какие они предъявляли к остальному духовенству.

Указанная деятельность кружка ревнителей, находивших себе постоянную поддержку и поощрение в царском духовнике Стефане Вонифатьевиче и прочную опору в самом государе, естественно не могла нравиться как патриарху, так и большинству епархиальных архиереев. В деятельности кружка патриарх и власти видели косвенное порицание их архипастырской деятельности, обличение их в нерадении в исполнении своих архипастырских обязанностей, в преступном их равнодушии к печальному нравственно-религиозному положению пасомых, духовенства и самой церкви, тем более, что некоторые челобитные ревнителей даже прямо принимали наставительно-учительный тон относительно патриарха и других архиереев. Неизвестный, например, в своей челобитной к патриарху Иосифу, называя себя «грубоумным его богомольцем», в то же время напоминает Иосифу о его предшественниках — московских митрополитах: Петре, Алексее, Ионе, примеру которых и приглашает Иосифа следовать в своей архипастырской деятельности, причем резко заявляет: «твоего святительского рукоположения служители (церкви), только именем пастыри, а делом волцы, только наречением и образом учителя, а произволением тяжцы мучители». Он молите Иосифа поревновать о церквах Божиих, оказать ревность по примеру своих великих предшественников на московской кафедре и исправить «хромое», пока еще есть время. Другой челобитчик так пишет суздальскому архиепископу Серапиону: «ты, святителю Божий, яко же слышится, не прележиши, еже отринути и воспретити худых человеке, по бесовскому ухищрению, возношение и гордость на невесту Христову, глаголю церковь Божию: или мниши избежати суда Божия? Помни реченное в писании: тому же быте волку и сему, аще волком терпите, а не пастырю. Ты бо еси пастыре поставлен и страж людем Божиим отгоняти волки, яко же во Иезекеиле речено бысте. Того ради и епископ нарицаешися и места высокого сподобилси еси, еже ти смотряти опасно на вся люди, сущие под паствою твоею, и учити на благоверие... и о сем зелене болю душею, яко отдал еси паству свою волком на расхищение, паче же церковь Божию в поругание мятежником». — Понятно, что подобные обличения со стороны ревнителей самих архипастырей церкви, приравнивание их к волкам и губителям своих пасомых и самой церкви, естественно вызывали сильное раздражение и неприязнь со стороны высшей духовной власти. Но одними обличениями и укорицами по адресу архипастырей церкви, кружок ревнителей не ограничился. Благодаря сочувствию к себе и поддержке царя и близких к нему лиц, кружок делается постепенно крупной силой, начинает оказывать очень заметное влияние и прямо давление на ход всех вообще церковных дел, начинает оказывать влияние на самое назначение митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и протопопов, действуя в этом случае на царя чрез Стефана Вонифатьевича. Вследствие этого

руководство всей церковной жизнью стало переходить в руки кружка ревнителей, который фактически делался управителем всей русской церкви. Понятно, что патриарх и все власти, которым по праву принадлежала инициатива во всех церковных делах, от которых собственно должны были исходить все церковные мероприятия и постановления, оказались стоящими в стороне, инициатива в церковных делах стала ускользать из рук властей и переходить к ревнителям, которые делают все смелее, энергичнее и требовательнее. Очень и очень неприятно должны были чувствовать себя власти, у которых власть осязательно начинала ускользать из рук, и относительно которых ревнители, состоявшие в значительной части из белого духовенства, часто не скупилась на резкие обличения. Но особенно сильно должен был чувствовать это и сознавать сам патриарх, под боком и на глазах которого родилась и выросла эта враждебная ему и всем архиереям сила, грозившая окончательно отстранить его и всех властей от фактического управления церковью. Тогда патриарх Иосиф решился вступить в борьбу с ревнителями. Вопрос о введении единогласия в церковном пении и чтении и сделался тем боевым вопросом, около которого произошла решительная борьба между патриархом и кружком ревнителей, причем дело тут шло не только о единогласии, но и о том: кто победит — партия ли новаторов-ревнителей, с Стефаном Вонифатьевичем во главе, или партия приверженцев старых церковных порядков, во главе которой открыто стал теперь патриарх Иосиф, поддерживаемый большинством архиереев и приходским духовенством, недовольным реформаторскими затеями кружка. Почему из всех других вопросов, поднятых ревнителями, именно вопрос о единогласии выдвинулся на первое место и сделался боевым по преимуществу, это объясняется тем, что другие вопросы, как, например, о необходимости борьбы с остатками язычества, с распущенною жизнью белого и черного духовенства, ни в ком не возбуждали сомнений: ненормальность указанных явлений и необходимость борьбы с ними признавалась всеми. Другое было с вопросом о единогласии: тут возможны были, с точки зрения тогдашнего понимания дела, и споры по этому вопросу, и борьба из за него.

Еще Стоглавый собор постановил: «псалмов бы и псалтыри вдруг не говорили и канонов по два вместе не канонархали, но по одному, занеже то в нашем православии великое безчиние и грех; тако творити отцы отречено бысть». Но не смотря на такое постановление Стоглавого собора, «то в нашем православии великое безчиние и грех» продолжались по-прежнему, по-прежнему службы церковные «совершались разом несколькими голосами: один пел, другой в это время читал, третий говорил эктении или возгласы, или читали сразу в несколько голосов и каждый свое особое, не обращая внимание на других, и даже стараясь их перекричать. Всякая чинность, стройность, а также и всякая назидательность богослужения, окончательно терялись — церковная общественная служба, при таких порядках, не только не назидала, не научала, не настраивала на молитву предстоящих, но напротив: приучала их относиться к богослужению чисто механически, бессмысленно, только внешним образом, без всякого участия мысли и чувства. Многие из народа стали смотреть на посещение церкви, как на одну формальность, и не только во время богослужения держали себя крайне непристойно, что чуть ли не сделалось общим правилом, но и старались ходить в те

именно церкви, где служба, ради многогласия, совершалась с особою скоростью. С своей стороны духовенство, желая заманить в свои храмы побольше народу, доводило скорость церковных служб до крайности, дозволяя в храме читать одновременно голосов в шесть и больше. Эти вопиющие беспорядки в церковном богослужении глубоко возмущали всех истинно благочестивых людей, и по их жалобам высшие церковные власти предпринимали против злоупотреблений некоторые меры. Патриарх Гермоген в послании пишет: «поведают нам христоролюбивые люди со слезами, а инии писание приносят, а сказывают, что в мирских людях, паче во священниках и иноческом чине, вселися великая слабость и небрежение, о душевном спасении нерадение, и в церковном пении великое неисправление. По преданию св. апостол и по уставу св. отец церковного пение не исправляют, и говорят-де в голоса в два, и в три, и в четыре, а инде и в пять—в шесть. И то нашего христианского закона чуже»¹. В 1636 году нижегородские священники в своей челобитной патриарху Иосафу заявляют: «в церквах, государе, зело поскорю пение, не по правилам святых отец, ни наказанию вас, государей, говорят голосов в пяте и шесте и боле, со всяким небрежением, поскорю. Экзапсалмы, государе, такоже говорят с небрежением не во един же голосе, и в туж пору и псалтырьи каноны говорят, и в туж пору и поклоны творят невозбранно»². Подобные церковные нестроения совершались и в самой Москве и по другим епархиям. Так патриарх Иоасаф, в памяти тиуну Манойлову 1636 года, заявляет, что в Москве во всех церквах «чинится мятеж и соблазн и нарушение наша святые и православныя христианския непорочные веры», во всех церквах «зело по скорю пение Божие, говорят голосов в пяте и шесте и больши, со всяким небрежением». Патриарх запрещает многогласие, однако сейчас же делает и уступку в пользу укоренившегося злоупотребление; «а в церкви бы велети говорити, пишет он, голоса в два, а по нужде в три голоса, опроче экзапсалмов, а экзапсалмы бы по всем церквам говорили в один голосе, а псалтыри и канонов в те поры говорити отнюдь не велети». Суздальский архиепископ Серапион в своем окружном послании 1642 года пишет: «ведомо убо нам, архиепископу, от многих известися, что в Суздале и по всем городом наша архиепископии, в соборных и приходских святых Божиих церквах чинятца мятежи и соблазн и нарушение святые наша православный христианския непорочные веры, что в святых Божиих церквах зело по скорю пение Божие, не по правилам святых апостол и святых отец: говорят в голосов в пяте и шесте и больши, со всяким небрежением». В виду этих злоупотреблений архиепископ повелевает: «а в церкви велети говорити голоса в два, а экзапсалмы по всем церквам говорити в один голосе, а псалтыри и канонов в ту пору говорити отнюдь невелет». Но так как злоупотребления продолжали существовать по-прежнему, то они по-прежнему продолжали вызывать и горькие жалобы людей благочестивых. Так, неизвестный в челобитной к патриарху Иосифу говорит: «воспомяну тебе, государе, и о бездушных гласех — благовесты и звоны по обычаю церковному и по достоянию коегождо дне по чину содеваются, первому другое последуя, звон с благовестом несмесно; царского же, государе, пение обычай от многих небрегом и не по ряду совершается, яко же предаша нам святии отцы, ежебы первых божественны

---

¹ Сахарова: исследование о русском церковном пении.

² Чт. общ. ист. и дрвн. 1902 г., кн. II, отд. IV, статья Н В. Рождественского.

сладоути вкусивше, и других совершению святыи службы всем всякого глаголемаго и чтомаго и поемаго словеси насыщаются; но точию, государе, именем утренняго времени зовется утренняя, или вечерняго времени зовется вечерня, совершается же, государе, от многогласия в церквах Божиих пение образом неистового пьянства: к начальному пению другой поемлет и третий, даже и до пяти и шести гласов купно бывает. И еще, государь, бываемое, кто наречет святого церковного устава обычай? Воистину государе, тем сводим на себе гнев Божий, а не милость»³. Биограф Неронова говорит: «в оная времена от неразумяющих божественного учение вниде в святую церковь смущение велие, яко чрез устав и церковный чин не единогласно певаху, но в гласы два, и три, и в шесте церковное совершаху пение, друг друга неразумяюще, что глаголет; и от самех священников и причетников шум и козлогласование в церквах бываше странно зело: клирицы бо пояху на обоих странах псалтыре и иные стихи церковные, не ожидающе конца лик от лика, но купно вси кричаху; псаломник же прочитоваше стихи, не внимая поемых, начинаше иные, и не возможно быаше слушающему разумети поемаго и читаемаго»⁴. Некто, называющий себя Агафоником, прислал суздальскому архиепископу Серапиону целое обширное послание, с целью доказать необходимость введения во всех церквах обязательного единогласия и необходимость уничтожение укоренившегося у нас многогласия. После небольшого вступления, с выражением почтения к архиепископу и своего недостойнства, после укоров архиепископу за его нерадение в борьбе с приверженцами многогласия, которые, как волки, расхищают его паству, производят церковный раздор, автор спрашивает: «кто сие устави единогласное и благочинное пение—повеждь ми?» И отвечает: «не ин бо кто сие устави, но иже восшедый до третьяго небесе, Павел Апостоле, яко же рече: ныне же братия, аще прииду к вам языки глаголай, кую вам пользу сотворю, аще вам не глаголю или во откровении, или в разуме, или в пророчествии, или в научении»., и ссылаясь на толкование этих слов Апостола Златоустом, говорит: «такое и мы, святой владыко, во святых Божиих церквах, егда в два гласа и в три и четыре вдруг говорим вси, которая польза будет слышающим? всюду неполезное будете, яко же Златоустый глаголет zde и Павел Апостоле. Слыши святой владыко, како Апостол Павел, Златоуст бесполезнопоказуют пение «с безчиением бываемое»... Приводя другие места из Апостола Павла и толкованиена нихЗлатоуста, говорит: «вонми святой владыко Апостола гласу, яко беснующихся являет быти всех глаголющих вдруг; не яве-ли мы, егда в гласа в два, и в три, и в четыре, и в пять, овогда и в шесть и в семь, неточию невернии, но и верный, благочестие и благочиние церковное любяй, неречет-ли нам—беснуемса? ей посмеетса сему нашему беснованию». Снова приводя слова Апостола Павлаи толкование Златоуста, говорите: «видиши-ли владыко святой, како Павел Апостол и Златоустый Иоанн к пользе вся творити повелевают, и к созиданию ближняго и исправлению; кая же польза получитьи предстоящим в церкви людем во время божественного пение, егда в гласа два или три и множае вдруг говорят, — никакo ничесого, точию шум всуе, и без пользы, и пагуба с великим грехом». И опятьприводя слова Ап. Павла и толкование Златоуста, говорите, что он «повел явно везде по вселенней во всех церковных святых, пети единым

---

³ Наша книга: Патр. Никоне, приложение.

⁴ Мат. т. I.

гласом, внимание и соизидания ради слышати хотящих слова Божия в пользу себе, да не без плода от церкви отъидут». Ссылаясь затем, в подтверждение необходимости единогласия на Григория Богослова, автор, обращаясь к архиепископу, говорит: «что же святителю Божий к сим? Аще сих свидетелей не требуем, или не преемлем, глаголющих правая и истинная о Христе и о догматах, то убо тща и вера наша, обретаются и лже свидетели Божия Апостоли, яко послушествование на Бога, яко воскреси Христа, Его не воскреси; и умершии о Христе и о догматах — погибоша; аще в животе сем уповающе есмы в Христа точию, — окаяннейши всех человек есмы; и евангельская проповедь и апостольская предания, и правила святых и богоносных отец будут ложны и не истинны, тако же и уставы церковные; то убо нынешних мятежников и раскольников церковных уставы добры? Ни, не буди тако. Вся сия бляди и суть суетословцов и своевольников, якоже Златоуст глаголет, зане по своему их любоначалию сия глаголющим, и творящим во святых церквах еретический сей шум, а любоначалие мати есте ересям, якоже Златоустый глаголет. Буди нам последовати и творити по преданию святых апостол и богоносных отец правилом, и по церковным уставом, еже в пользу себе и всему православному христианству, а еретических блядей и богопротивных всячески ошаяватися и отметати их». Автор заявляет, что за единогласие говорят не только указанные им святые мужи, но и московский Стоглавый собор, постановление которого о единогласии он и приводит, а также и московский патриарх Гермоген, «новый исповедник», также боровшийся с многогласием; и затем, обращаясь к архиепископу, говорит: «поминай святителю Божий Златоустого слово, яко рече: да не убо ми речеши, яко пресвитер согрешил ест, ниже яко диакон: всех сих на главу хиротонисавших вины переходите». В заключение своих рассуждений и доказательств в пользу безусловной обязательности для всех единогласие в церковном пении и чтении, автор приходит к такому выводу, что «всею силою и мощию должны суть архиепископи и епископи имети стражбу о освященных кононех божественных правил, поручено бо ест им твердо соблюдать я, да ничто от них преступаемое и забытием преминуемо, ни изысканием оставляемо, во он день в муках оных изыскано будет: хранящи бо священные каноны Владыки Бога сподобляются, сие же преступающий, в конечное осуждение себе влагают. Божественным канонем несохраняемым, различна преступление бывают, от тогоже Божий гнев на нас сходит, и многия казни, и последний суд. Тому сему повинни суть святители, не бдяще, не стрегуще винограда, еже есть церковь, но препущающе во обиду по некоей страсти, или по неразумию небоязны вышняго страха, иже суть клялися сохранить и судьбы закона и правды Божия, — горек суд таковым и поделом воздаянием будет. Бога ради, молим тя, святителю Божий, со всеми, иже Бога любящими, во еже силою Святого Духа, по богоизбранном народе твоя паствы, пачеже о душах их, поболети и руку подати требующим и исцелити братью, погибнути хотящих, и во единое собрати разстоящияся уды, исправити же согрешение, дондеже время настоит, яко да многим странам подаш подобающе согласие, еже убо безместие худых человек погубити возношение, занеже се и Владыце всех благоугодно и выши всякие молитвы»⁵.

---

⁵ Агафоник, автор послания к суздальскому архиепископу о единогласии, был москвич, а не суздалец. Это видно из следующих его слов: «якоже и в нынешнее настоящее время и у нас на Москвы в мирских

церквах»... Он был не архиерей, а священнике, потому что, говоря о священниках, выражается: «мне подобнии», и особенно из заключительных слов послания, где автор, называя себя худоумным, «рабски творя метание к стопам честных ног» архиепископа, заявляет, что хотя «ииколиже бо, святителю Божий, овца пастырем не бывает, ниже заяц леву», но в надежде на доброту святителя решился писать к нему. Кто был Агафоник, не знаем, такого лица не встречается между известными нам тогдашними московскими деятелями. Предполагаем, что это послание к Серапиону было написано или самим Стефаном Вонифатьевичем, или кем либо другим по его поручены, и рассылалось потом от его лица тем архиереям, от которых Стефан ожидал сочувствие его заботам о введении единогласия. К числу таких сочувствующих, но нерешительных архиереев, принадлежал в Серапионе. Это видно из того, что послание, с одной стороны, замечает, будто Серапионе, как слышно, не заботился о введении в церквах единогласия; с другой — в послании говорится: «твое же, святителю Божий, похваляю с радостию Христово подражательство по Христе и по церкви, в хвалу Богу воздаю, яко подкрепляеши церковников на благочинное и боголюбезное единогласное пение во святых Божиих церквах, внимание ради и пользы предстоящих православных народов». Очевидно, Серапион поощрял церковников к единогласию только частным образом и не решался открыто признать его обязательным. Что это послание могло быть прислано Серапиону Стефаном Вонифатьевичем, думать так дает право самый характер послания. Оно рассчитано убедить Серапиона, что единогласие основывается на св. Писании, на учении великих отцов церкви, на требовании и постановлении русского Стоглавого собора, на предписании русского первосвятителя и страдальца патриарха Гермогена. Наоборот многогласие является нарушением ясного учения Христа, Апостолов, св. отцов, постановлений соборных, и в самой русской церкви представляем, из себя недавнее явление, особенно развившееся и окрепшее только в смутное время. Многогласие представляет из себя «уставы нынешних мятежников и раскольников церковных «еретический шум» «поругательство Богу и второе Христораспятие, тела Его раздирание». Так писать о многогласии было вполне естественно горячему ревнителю единогласия — Стефану. Составителе послания, называя себя «и худшим и сквернейшим и всех окаяннейшим», будучи только священником, пишет однако к архиерею с большей властью и прямо, за нерадение о введении единогласия, выражает архиепископу свое порицание. «Или мниши убежати суда Божия?» спрашивает он Серапиона, и сурово напоминает ему, что такие нерадивые архиереи называются в Писании не пастырями, а волками. О себе, как силу и авторитет имеющий, автор говорит: «и о сем зелене болю душею, яко отдал еси паству свою волком на расхищение, пачеже церковь Божию в поругание мятежником». Очевидно писавший хорошо знал, что архиепископ обратит должное внимание «на зельное боление душею» писавшего и не отнесется к этому заявлению автора с пренебрежением, или полным индифферентизмом, как бы это могло быть, если бы автор не был сильный и влиятельный человек в Москве. Только Стефан Вонифатьевич мог таким тоном писать архиепископу: «всею силою и всею мощию должны суть архиепископи и епископи имети стражбу о священных канонах божественных правиле, поручено бо есть им твердо соблюдать я...» из слов автора: «николи же бо, святителю Божий, овца пастырем не бывает, ниже заяц — леву; но ведая твое, святителю Вожий, ко мне нищему милостивное права человеколюбного, дерзнух известити и на память ти привести», видно, что автор — москвич, лично хорошо был знаком с архиепископом и пользовался его расположением, которое и ободрило его обратиться к архиепископу с посланием о единогласии. Нельзя не заметить и того, что если бы автор послания был заурядный москвич ревнитель, то зачем бы он стал с своими рассуждениями и доказательствами в пользу единогласия обращаться к архиепископу суздальскому, когда он мог направить свое послание прямо к патриарху, или даже к государю, как это и делали обыкновенно все московские ревнители. Иное дело Стефан Вонифатьевич. У него уже вышло (о чем скажем ниже), по вопросу о единогласии, столкновение с патриархом Иосифом, он знал, что для решения этого вопроса будет собран нарочитый собор, и он стал стараться найти среди архиереев таких, которые бы, убежденные его посланием, открыто стали на сторону единогласия. В лице суздальского архиепископа он, очевидно, хотел приобрести себе сторонника в вопросе о введении единогласия. Наконец нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что это послание Стефана к архиепископу Серапину находится в тесной связи с известной челобитной государю патриарха Иосифа (она напечатана в приложении к нашей книге: Патр. Никон) на Стефана Вонифатьевича, в которой Иосиф от лица всего собора жаловался государю, что Стефан говорил, «будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; також называл и нас, богомолцев твоих, митрополитов, и архиепископов, и епископа, и весь освященный собор бранными словами, и волками и губителями, и тем безчестил». В послании к Серапиону архиереи, за допущение многогласия, и приравниваются именно к волкам и губителям, отдающим свою паству волкам на расхищение, а церковь Божию в поругание мятежникам — многогласникам, причем самое многогласие, защищаемое патриархом Иосифом и его собором, называется расколом, еретическим шумом, вторым христораспятием и под. (Послание к суздальскому архиепископу Серапиону о единогласии, находится в рукописном сборнике библиотеки московской духовной академии, № 100, л.л. 321—341).

Но многогласием в чтении и пении, одновременностью чтение и пение, дело не ограничивалось, злоупотребление и беспорядки шли далее, простирались на самый характер церковного пения. Биограф Неронова говорит, что в то время в церквах «пояху речи не яко писани суть, но изменяюще речения ради козлогласования своего, восприемше обычай древних бесчинников, и вместо ежебы глаголати: Бог, Христос, Спас, они пояху: Бого, Христосо, Спасо и прочие речи изменяюще, яко ныне странно зело слышати»: инок Евфросин в 1651 году писал: «Дух Святый повелевает бо пети не просто, но разумно, сирече не шумом, ниже украшением гласа, но знати бы поемое самому поющему, и послушающим того пения разум речей мощно бы ведати, а неточию глас украшати, о силе же глаголе, небрежи... В пении бо нашем точию глас украшаем и знаменные крюки бережем, а освященные речи до конца развращены противу печатных и письменных древних и новых книг, и неточию развращены, но и словенского нашего языка, в нем же родихомся и священным писанием учихомся, чюжи, не свойственны и сопротивны. Где бо обрящется во священном писании нашего природного словенского диалекта сицевыи, несогласные речи: сопасо, пожеру, вомоне, темено, имои, восени, волаемо, иземи, людями, сонедаяй и прочие таковыи странные глаголы, ихже множество невозможно ныне подробну исчести»⁶.

Глава кружка ревнителей, Стефан Вонифатьевич, решительно восстал против многогласия в церковном пении и чтении и решился всюду ввести единогласие. Вместе с Федором Ивановичем Ртищевым они стали действовать на царя, который охотно примкнул к ним, вполне разделяя их воззрение на единогласие. Тогда Стефан и Ртищев «первое уставивша в своих домех единогласное и согласное пение», а потом, посоветовавшись между собою, при поддержке государя, вызвали из Нижнего Новгорода известного Иоанна Неронова и сделали его протопопом московского Казанского собора. Неронов немедленно ввел в своем соборе единогласное пение и чтение. К ним скоро примкнул, в этом деле, и новоспасский архимандрит Никон, впоследствии патриарх, который, по словам Шушерина, и сделался Стефану «в том богоспасаемом деле велий поборник и помощник». Затем, по примеру Стефана и Неронова, за единогласие дружно стали и провинциальные ревнители: Аввакуме, Лазаре и другие.

Настойчивые и энергичные усилия кружка ревнителей ввести в приходских московских церквах единогласие, и очевидное их стремление распространить его на всю церковь, вызвали сильное возбуждение и недовольство среди громадного большинства приходского духовенства, которое увидело в единогласии зловерное новшество, чуть не ересь, и готово было открыто и решительно восстать против него. Этим возбуждением приходского духовенства, и в значительной мере самих прихожан, воспользовался патриарх Иосиф, чтобы подвести свои счеты с ненавистным ему, зазнавшимся кружком ревнителей, состоящим исключительно из лиц низшей церковной иерархии и не

---

⁶ Бычкова. Опис.рукой,сборниковимпер.публ.библ. № XXIII. Опис. рукоп. Хлудова № 91Сахарова: Исслед. о русс. церк. песнопении.

имевшим в среде своей ни одного архиерея. Патриарх стал во главе противников единогласия⁷.

---

⁷ то приходское духовенство и в самой Москве, было решительно против единогласия, готово было видеть в нем даже еретичество, новую веру, и всячески стояло за многогласие, на это имеются несомненные данные. В 1651 году гавриловский поп Иван извещал государя: «говорил-де ему николеский поп Прокофей, где с ним не сойдется: заводите-де вы, ханжи, ересь новую — единогласное пение в людей в церкви учите, а мы-де людей прежде сего в церкви не учили, а учили их в тайне. И говаривале-де он поп Прокофей: беса-де в себе имате и вы все ханжи... И протопоп де благовещенский (Стефан Вонифатьевич) такой же ханжа: сказале-де он: Господа Саваофа видел, и он де беса видел, а не Бога. А Бога-де кто может видети во плоти?» И другие московские священники сильно были возмущены введением единогласия и требованием от них учительства, — они шумели и не хотели подписываться под требованием об обязательном введении единогласия в приходских церквях. Тот же поп Иван заявлял, что 11 февраля, в сенях московской тиунской избы, был сильный крик: «лукинский поп Сава с товарищи говорил такие речи: мне-де к выбору, который выбор о единогласии, руки не прикладывать, наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии бояром и окольниковым, — любо-де им будет единогласие?» и когда поп Иван стал говорить противящимся единогласию; что они не могут презирать изволение Божие, устав св. отец, повеление государя и патриарха, то получил такой ответ от шумевших иереев: «нам-де хотя и умерет, а к выбору о единогласии рук не прикладывать». В тоже время какой-то поп Андрей говорил: «чтоб ему с казанским протопопом (Нероновым) в единогласном пении дали жребий, и будет его вера права, и они-де все учнут петь (единогласно) и говорить (поучения)». (Зап. русс. археол. общ. т. II, стр. 394—396). И значительно позже после собора 1651 года, сделавшего единогласие обязательным, оно еще долго однако не могло привиться в приходских церквях и даже в некоторых монастырях. В 1658 году вологодский архиепископ Маркелл пишет на Белоозере протопопу Авраамии о наблюдении им, «чтобы в церкви Божии всякое пение пели и говорили единогласно» (Ак. Эксп. IV. № 105). В 1660 году в царской грамоте ко всему новгородскому духовенству предписывается, «чтоб во всех церквях Божиих церковное пение было единогласно, со страхом Божиим» (Ibid. и № 115). В 1661 году новгородский митрополит Макарий, в грамоте к архимандриту Тихвинского монастыря Иоасафу, писал, что ему ведомо учинилось, «что на Тихвине на посаде и около Тихвина в новгородской десятинах», в монастырях и погостах, «поют и говорят не единогласно», почему-де и следует сделать духовенству строгий наказ, «чтоб пели и говорили по всем Божиим церквам единогласно, а не во многие гласы» (Ак. Ист. IV, № 151). В 1671 году новгородский митрополит Питирим требует, чтобы в церквях «пели и говорили единогласно» (Ак. Эксп. IV, № 184). Тот же митрополит Питирим в следующем 1672 году заявляет, что ему ведомо учинилось, «что на Ваге, в Шенкурском остроге и во всей важской десятинах, во всех четырех четвертях, по монастырем у игуменов, и у строителей, и у черных попов с братьею, а по погостам и по выставкам у попов и у дьяконов и у церковных причетников, по святым Божиим церквам, многое церковное неисправление — поют и говорят не единогласно». (Ibid. IV, № 188). В 1687 году, в наказе новгородского митрополита Корнилия заведующему тиунским приказом, священнику Никите Тихонову, говорится, что он должен наблюдать, чтобы «во святых церквях пели бы и говорили единогласно, а не в два и три гласы» (Ак. Ист. V, № 152).

Приходское духовенство, со своей стороны, имело очень уважительные причины противиться введению единогласия и отстаивать старое привычное для прихожан многогласие. 11-го февраля 1651 года, как мы видели, лукинсий поп Савва с товарищи говорил такие речи: «мне-де к выбору, который выбор о единогласии, руки неприкладывать; наперед бы де велели руки прикладывать о единогласии Бояром и окольниковым: любо-ли-де им будет единогласие?» Это беспокойство приходского духовенства о том, как прихожане, особенно знатные, богатые и влиятельные, отнесутся к введению единогласия, очень сильно удлинявшего все церковные службы, тогда как ранее благодаря многогласию, прихожане привыкли к службам очень коротким, вытекало из опасения, что между духовенством и прихожанами, из-за продолжительных служб, могут произойти очень неприятные недоразумения и даже открытые столкновения, далеко не всегда безвредные для вводителers в церквях единогласия. Протопопу Аввакуму, например, сильно доставалось от прихожан за введенное им в службах единогласие. Многогласное пение и чтение, говорит он, «кльсть сию молитву я пред Богом вменяю. Того ради так (многогласно) говорят, чтобы вам из церкви скорее вытти. Меня и самово за то (единогласие) бывали и гоняли безумни: долго-де поешь единогласно! Нам-де дома недосуг! Я им говорю: пришел ты в церковь молиться, отверзи от себя всякую печаль житейскую; ищи небесных! О человеце суетне! Невозможно оком единым глядеть на землю, а другим на небо, такоже сластем и страстем работати. Так меня за те словеса в церкви бьют, да волочат, а иные и в ризах не щадят». (Мат. V. 222 — 223). Когда Неронов прибыл в ссылку в Каменский монастырь, то, доброжелательно сначала встреченный настоятелем и братией, немедленно принялся вводить здесь новые

На первый взгляд может показаться очень странным: каким образом патриарх Иосиф мог защищать многогласие — сие безстрашие и нерадение о церковном пении», «то в нашем православии великое безчиние и грех»; каким образом патриарх мог восстать на защиту многогласия, столь очевидно представляющего из себя вопиющее злоупотребление, ни под каким видом недопустимое и не терпимое в церкви? Между тем, с точки зрения тогдашнего понимания дела, Иосиф имел свои серьезные основания бороться против единогласия и отстаивать многогласие.

Русские того времени были убеждены, что при совершении всех церковных служб необходимо вычитать и пропеть без всяких пропусков все, что положено в церковном уставе, который однако взят был нами из восточных самых строгих монастырей, и введен был у нас в обыкновенных приходских церквах. Благодаря этому обстоятельству службы в приходских храмах, при вычитывании и выпевании всего положенного строгим монастырским уставом, выходили чрезмерно длинными и крайне утомительными для прихожан, которые, при таких условиях, неохотно посещали церковные службы, как очень обременительные для них и требующие слишком много времени. Практическая повелительно настоятельная нужда требовала сокращения церковных служб в приходских

церковные порядки: единогласие, истовость в отправлении службе, чтение всех положенных поучений и житий, что крайне удлинило монастырские службы. Настроение братии и настоятеля к Неронову скоро изменилось и сделалось враждебным. Один старец стал говорить: «как-де приехал протопоп Иоанн, так-де и пение стало большое, и свечам-де большой расход». Наконец иноки открыто восстали против ревнителя точного, истового соблюдения всех предписаний устава, к ним присоединился и архимандрит, который однажды «ем Иоавва за власы, по трапез влачаше, и рукама по щекам бияше время довольно». (Мат. I, 113—115). Сибирский и тобольский архиепископ Симеон пишет государю в челобитной: «в прошлом, государь, в 161 году, в Сибири, в Красной слободе (Тюменского уезда), московский прикащик Прокопей Протопопов священника бил до полусмерти ослопы за церковное единогласное пение: велит петь по своему угодию во многие голоса, и налогу тому священнику большую чинит, и жену ево бил до полусмерти». И когда архиепископ, призвав к себе Прокопия, стал выговаривать ему за его побои священнику, «и он, Прокопей, и ко мне обезстыдился, — отказывал мне невежливыми словами: где-де вам — ханжам! Ныне не старое время! И не у тебя-де я под судом». (Рук. Старина, 1892 г., марте, стр. 673). Очевидно священникам, сторонникам и вводителем в своих церквах единогласия, приходилось иногда от прихожан очень плохо, и они имели все основания не подписываться к приказу о введении единогласия прежде, чем к нему не подпишутся бояре и окольничие, а в других местах вообще люди сильные и властные. Да если где священников и не били за введение единогласия, за то прихожане, как свидетельствует соборное постановление, от 11-го февраля 1649 года, просто переставали ходить в т церкви, где службы, ради единогласия, совершались очень долго. Благодаря этому последнему обстоятельству, священники необходимо лишались очень многих доходов, а это, конечно, сильно побуждало их крепко держаться за старое привычное многогласие.

Наконец и безотносительно к прихожанам и доходам, для очень многих членов тогдашнего клира, единогласие являлось крайне нежелательным по той простой причине, что значительная часть тогдашних клириков была малограмотна, не умела хорошо читать и петь. Таким, при многогласии, было очень удобно, так как стоявшие в церкви, ради многогласия, решительно не имели возможности разобрать, кто, что и как читает и поет, почему всякое сомнительное чтение и просто не разборчивое бормотание по церковной книге полуграмотного чтеца, могло сходить за настоящее чтение. Иначе стояло дело при единогласии и соединенной с ним истовости службы, когда каждый стоящий в церкви мог понять и оценить всякого чтеца и певца, тут безграмотному клирику скрыться за других становилось невозможным, почему безграмотность клира и держалась упорно за многогласие. Очевидно единогласие не заметно предъявляло новые, повышенные несколько требования к умению клира петь и читать в церкви, что и вызывало среди малограмотных клириков противодействие единогласию.

церквах. Тогда наши предки, для достижения этой, самой жизнью подсказанной цели, прибегли к такому средству: оставаясь верными тому своему воззрению, что весь церковный устав обязательно должен выполняться при совершении всех церковных служб, они стали употреблять многогласие т. е. прибегли к единовременному пению положенного уставом в несколько голосов сразу, причем один читал и пел одно, другой в это же время другое, третий свое и т. д., благодаря чему церковные службы отправлялись очень скоро, а между тем все положенное уставом выпевалось и вычитывалось вполне и без всяких пропусков. Понятно, чем наибольшее количество голосов разделялось положенное для данной службы чтение и пение, тем скорее отправлялась служба, почему, в видах скорости, стали употреблять в службах пение и чтение сразу голосов в пять, шесть и семь. Но такое многогласие, в видах необходимого сокращения времени служб, допускалось только для приходских церквей, ради немощных мирских людей, ради снисхождения к их житейским заботам, не позволяющим уделять им слишком много времени на посещение церковных богослужений. Другое дело монастыри, населенные людьми, отрекшимися от всего мирского, обязавшимся посвятить себя всецело служению Богу, непрестанной молитве; там строго требовалось соблюдение единогласия и долгих службы были обязательны. Полагалось, если кто из мирских хотел слушать настоящую истовую службу, тот должен был отправляться на богомолье в монастыре, почему благочестивые русские люди считали себя обязанными, времени от времени, посещать ради богомолья монастыри, чтобы хотя изредка помолиться как следует, выстаивая все длинные монастырские службы. Естественно поэтому, что когда ревнители благочестия, указывая на полное извращение характера и значения церковных служб многогласием, на весь вред подобных церковных порядков для молящихся, необходимо ничего не понимавших из того, что читалось и пелось в церкви, и потому составлявших о самом богослужении и его цели и назначении, самое неправильное и извращенное понятие, — когда они потребовали уничтожения многогласия и введения единогласия; то сам собою возник практический и, нужно сознаться, очень важный вопрос: как отзовется введение единогласия на посещения храмов народом, когда приходские службы удлинятся чрезмерно? Ведь и сторонники единогласия, также как и сторонники многогласия, требовали при совершении служб полного соблюдения всех предписаний устава, даже вводили еще в богослужение разные положенные чтения из прологов, житий святых, отеческих поучений, чем необходимо крайне удлинляли все службы, приближая их к монастырским. Никаких выпусков и сокращений в службах они не допускали; напротив они все совершали по уставу, очень истово, точно, без малейших опущений. Мы знаем, как такие истовые, уставные службы единогласников должны были отзываться на молящихся во храме. Павел Алепский вот что пишет об этих наших церковных службах: мы выходили из церкви, говорит он, едва волоча ноги от усталости и беспрерывного стояния без отдыха и покоя... Что касается нас, то душа у нас расставалась с телом, от того что они затягивают обедни и другие службы: мы выходили не иначе, как разбитые ногами и с болю в спине, словно нас распинали... Мы не в состоянии (после богослужения) были придти в себя от усталости и наши ноги подкашивались». Павел искренно изумляется необыкновенной выносливостью русских, выстаивавших чрезмерно длинные службы. «Что за крепость в их телах и какие у них железные ноги! восклицает он. Они не устают и не

утомляются. Вышний Бог да продлите их существование!.. Какое терпение и какая выносливость! Несомненно, что все эти люди святые: они превзошли подвижников в пустынях. Мы же вышли (из церкви) измученные усталостью, стоянием на ногах и голодом». «Всего больше, заявляет он, боялся я и хлопотал об отъезде (из Москвы) до Пасхи, что бы избавиться от бдений, трудов и стояний Страстной седмицы»⁸.

Таким образом единогласие, истовость в совершении церковных служб, введение в них чтений из разных учительных книг, несомненно не только изменяло привычный для прихожан строй богослужения, но, что особенно важно, оно чрезмерно удлиняло все церковные службы, делало их очень утомительными и обременительными для обыкновенных молящихся, которые, не имея возможности уделять на них слишком много времени и сил, предпочитали вовсе не ходить в церковь. Вот именно на это-то практическое последствие введение единогласия и обратил свое внимание патриарх Иосифе. Если сторонники единогласия говорили и проповедывали, что многогласие губит истинное благочестие и уничтожает назидательность церковных богослужений; то противники единогласия говорили наоборот, что именно единогласие губит народное благочестие, так как оно совсем отучает народ от посещения церкви и вопрос, значит, в представлении современников, сводился в конце собственно к следующему: что лучше в интересах благочестия: ходить ли часто в церковь и почти вовсе не понимать того, что в ней поется и читается, или же, ради чрезмерной продолжительности церковных служб, посещать их очень редко? Патриарх Иосиф, вопреки ревнителям, стал на сторону умеренного многогласия и решительно выступил против пагубного, по его мнению, единогласия, которое должно иметь место в монастырях, а не в приходских церквях⁹. На почве этого спорного вопроса и произошло решительное столкновение патриарха Иосифа с Стефаном Вонифатьевичем.

Государь в 1649 году приказал патриарху Иосифу устроить соборное заседание с тем, что бы на нем был рассмотрен вопрос о единогласии и решен «как лутче быти». Действительно 11-го февраля 1649 года, в царской средней палате, составился собор под председательством патриарха Иосифа для рассмотрения и решения вопроса о единогласии. Рассматривая этот вопрос, собор нашел, что от введения в московских приходских церквях единогласия, что сделано в самое последнее время, «на Москве учинилась молва великая, и всяких чинов православные людие от церквей Божиих учили отлучатися за долгим и безвременным пением». В виду этого патриарх «со всем освещенным собором советовали и уложили: как было при прежних святителех митрополитех и патриархах по всем приходским церквям божественной службе быти по

---

⁸ Путеш. антиох. патр. Макария, перев. Муркоса, вып. II, стр. 100-164; выч. III, стр. 185, 194; вып. IV, стр. 85, 161.

⁹ Что патриарх Иосиф допускал многогласие только в приходских церквях, а в монастырях требовал единогласие, это видно из его грамоты в Саввин монастыре в 1648 году, где он пишет: «архимандриты, и игумены, и попы черные, и строители и старцы о церковном пении и благочинии нерадеют... в церквях Божиих поют по скору, неединогласно, со всяким безстрашием». (Опис. госуд. архива старых дел — Иванова; стр. 302 Ак. Эксп. т. IV, 325).

прежнему, а внове ничево не вчинати»¹⁰. Так соборным постановлением 11-го февраля 1649 года, вопреки домогательствам Стефана и других ревнителей, единогласие в приходских церквях формально было отвергнуто, как мера вредная для народного благочестия, а многогласие, как старый обычай, торжественно было узаконено.

Понятно, какое сильное и удручающее впечатление эта соборное определение должно было произвести прежде всего на Стефана Вонифатьевича. Все его хлопоты и старания о введении единогласия, его горячая уверенность, что без единогласия в народе не может насаждаться истинное благочестие, о чем он так усиленно заботился вместе с царем и другими ревнителями, должны были кончиться ничем, благодаря сопротивлению патриарха и его сторонников. Этого мало. Соборное формальное постановление окончательно узаконило у нас многогласие, это «в нашем православии великое безчиние и грех», полагало сильное препятствие, по крайней мере в ближайшем будущем, всем дальнейшим попыткам ввести у нас единогласие. Всегда спокойный и кроткий Стефан на этот раз не выдержал. Он публично жаловался государю на патриарха и всех властей, присутствовавших на соборе, называл их волками и губителями, а не пастырями, говорил, что утвержденным собором многогласием уничтожается истинная церковь Христова, и в глаза бранил и бесчестил патриарха и всех присутствовавших на соборе сторонников многогласия. Эта несдержанная выходка Стефана сильно оскорбила патриарха и властей, тем более, что все это произошло публично. Иосиф решился воспользоваться этим обстоятельством, чтобы окончательно разделаться с ненавистным ему царским духовником. От своего лица и от лица всего освященного собора он подал государю челобитную на благовещенского протопопа Стефана Вонифатьевича, в которой писал: «в нынешнем, государе во 157 году, февраля в 11 день, указал ты, благочестивый и христоролюбивый государь царь, мне, богомольцу своему, и нам богомольцом своим, быть у себя, государя, в средней. И тот благовещенский протопоп Стефан бил челом тебе, государю, на меня, богомольца твоего, и на нас, на весь освященный собор, а говорил: будто в московском государстве нет церкви Божии, а меня, богомольца твоего, называл волком, а не пастырем; тако ж называл и нас, богомольцов твоих, митрополитов, и архиепископов, и епискупа, и весь освященный собор бранными словами, и волками, и губителями, и тем нас, богомольцов твоих, меня, патриарха, и нас, богомольцов твоих, освященный собор, бранил и бесчестил». Затем патриарх заявляет: «в уложенной книге писано: кто изречет на соборную и апостольскую церковь какие хуленные словеса, да смертью умрет, а он, Стефане, нетолько что на соборную и апостольскую церковь хулу принес и на все Божии церкви, и нас, богомольцов твоих, обезчестил». В виду этого патриарх просит царя созвать собор для суда над Стефаном¹¹. Но государь не придавал значения этой челобитной Иосифа и собора и не дал ей хода. Он не утвердил и соборного постановления Иосифа, узаконившего многогласие, так как сам всецело был на стороне Стефана, вполне одобрял и поддерживал его старание ввести у нас во всех церквях обязательное единогласие. Однако соборное постановление о многогласии, хотя и

¹⁰ Деяние собора 11-го февраля 1649 г. напечатано С. А. Белокуровым в чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.

¹¹ Эта челобитная патриарха Иосифа на Стефана, напечатана в нашей книге: патр. Никон, в приложении.

неутвержденное царем, все-таки состоялось, с этим фактом приходилось считаться итак или иначе парализовать его. Тогда государь и Стефан Вонифатьевич пришли к мысли, передать решение вопроса о единогласии на рассмотрение и решение константинопольского патриарха, как высшей и руководственной инстанции в решении спорных церковных вопросов. В этом смысле и оказано было ими давление на патриарха Иосифа.

Патриарх Иосиф ранее не только не был принципиальным противником греков, но открыто и решительно признавал, что восточные патриархи православную веру до ныне держат твердо и ненарушимо, и находятся в полном единении с русской церковью. Так в первом своем послании к датскому королевичу Вольдемару (21 апреля 1644 г.) патриарх Иосиф между прочим пишет, что «греки и Русь» отвергли папу «за отступление от вселенских патриарх», «а назвали соборную кафолическую церковь едину восточную, которая седмию вселенскими соборы утвержденную веру держит во всем ненарушимо, целу и невредиму соблюдает и до днесь», что «римляне и германе» не крестятся прямым крещением, «якоже изначала предано святыми апостолами и святыми вселенскими седмию соборы в три погружение, еже и до ныне у греков и у нас Руси невредимо соблюдаемо есть». Во втором послании к Вольдемару Иосиф пишет, что русские приняли истинную православную веру от православных греков при князе Владимире, *«что с четырьмя вселенскими патриархи и до днесь о православии ссылаемся, и к нам от восточных стран митрополиты и архимандриты прежде сего и ныне приезжают, да еще и сами патриархи свидетельствованные в вере (т. е. несомненно строго православные), и до сего дня мы без всякого порока православную веру держим и пребываем в ней».* Доказывая, что истинная церковь доселе находится в Иерусалиме, патриарх Иосиф говорит, что к Иерусалимской истинной церкви принадлежат теперь и другие «паче же и четыре патриаршие места, к сему же (к истинной иерусалимской церкви) с теми (четырьмя восточными патриархами), со всеми святыми вкупе, и наша святая, великая российская церковь согласуется правым исповеданием»¹². Таким образом патриарх Иосиф самое православие русских доказывает именно его принятием от греков и непрерывностью общения, до самого последнего времени, русской церкви с православными греческими четырьмя патриархами, которые, вместе с русскими, православную веру «не нарушимо, целу и невредиму соблюдают и до днесь». Мы уже не говорим о том, что напечатанные с благословения патриарха Иосифа Кириллова книга и книга о Вере, заявляют, что русскому народу вселенского константинопольского патриарха следует слушать «и ему подлежати и повиноватися в справе и науце духовной». Значит, патриарх Иосиф, по характеру своих воззрений на греков, не мог оказать особенно упорного сопротивления требованью царя перенести спорный вопрос о единогласии на решение константинопольского патриарха, хотя, несомненно, он уступал в этом деле царю крайне неохотно, так как хорошо понимал, что это требование царя направляется против него, патриарха, и составленного им соборного определения против единогласия. Но так как царь придавал этому делу важное принципиальное и практическое значение, — этим указывался и расчищался путь

---

¹² Рукоп. нашей академической библиотеки (москов духовной) № 338, л. л. 3, 96, 99 об.

для будущей реформаторской деятельности Никона, то патриарх Иосиф уступил давлению царя и обратился к константинопольскому патриарху с особой грамотой, в которой просил его разрешить следующие вопросы: можно ли многим архиереям или иереям служить божественную литургию двумя потирами? Подобаает ли в службе по мирским церквам и по монастырям читать единогласно? Некоторые жены оставляют мужей своих по нелюбви и постригаются, а мужи оставляют жен своих, — как поступать в таких случаях? Можно ли делать священниками женившихся на вдовах, или вступивших во второй брак? На эти вопросы Иосифа из Константинополя был получен соборный ответ, разрешавший недоумение московского патриарха, причем, в желательном для царя духе, заявлялось, что великая константинопольская церковь восприяла от Бога силу отверзать двери верным к разумению божественного учения, утверждать их в разумении истинной и правой веры Христовой, что она есть источник и начало всем церквам, «напаяет и подает живот всем благочестивым Христианам во все церкви», так как она все догматы благочестия «хранить ненарушимо и неподвижно, как сначала приняли, не умалили и не прибавили». Константинопольский патриарх и лично от себя прислал Иосифу грамоту, в которой опять заявляет, «что великая церковь Христова, благодатью св. Духа, есть начало иным церквам и *должна в них исправлять неисправленное*». Относительно же единогласного пения и чтения в церквах, грамота патриарха решительно заявляет, что единогласие «не только подобает, но и непременно должно быть»¹³.

Ответ константинопольского патриарха был полным торжеством царя и Стефана Вонифатьевича и не по частному только вопросу о единогласии, но вместе с тем он являлся и оправданием и поощрением всей их грекофильской деятельности. В 1651 году Иосиф должен был, для решения вопроса о единогласии, созвать новый собор, на котором, вопреки постановлению собора от 11 февраля 1649 года, решено было «пети во святых Божиих церквах чинно и безмятежно, на Москве и по всем градам, единогласно, на вечернях, и повечерницах, и на полунощницах, и на заутренях, псалмы и псалтирь говорите в один голос, тихо и неспешно; со всяким вниманием, к царским дверем лицом»¹⁴. Но и здесь, уступая необходимости, Иосиф остался себе верен: в объяснение того, почему он теперь предписывает во всех службах, по всем и приходским церквам, строго держаться единогласия, против которого он еще так недавно восставал соборно, он ссылается не на послание константинопольского патриарха, а на постановление русского Стоглавого собора. Патриарх заявляет; «потщахся и изысках в соборном уложении, сиреч, в Стоглаве», что там предписывается единогласие, он и повелевает всюду держаться о единогласии этого соборного русского постановления. И как бы предвидя, а вероятно и зная, что скоро русские церковные чины и книги должны будут потерпеть значительные изменения, он говорит: «а иже кто гордостию дмяся, и от неразумия безумен, сый сего древняго и нынешняго нашего соборного уложения учнет превращати, *и на свой разум чины церковные претворяти, мимо наших древних письменных и печатных книг*, и таковой по правилом святых отец от нашего смирения

---

¹³ Греческия дела 7159 ч. № 8.

¹⁴ Ак. Эксп. IV, 327.

приимет отлучение и извержение». Но ни на жалобы Иосифа, что он «уже третье лето есть биен от свадник, терпя клеветные раны», ни на его угрозы тем, кто бы стал на свой разум претворять церковные чины «мимо наших древних письменных и печатных книг», уже не обращали внимания. В известном нам кружке церковная реформа решена была окончательно, все деятельно и энергично к ней приготавлилось, и патриарх Иосиф увидел, что его терпят только из уважения к его старости и сану, почему в последнее время говорил своим приближенным: «переменить меня, скинуть меня хотят, а буде и не отставят, я и сам за собором об отставке буду бить челом». Так дело шло до самой смерти Иосифа.